

Татьяна, русская душой...

ОТКРОВЕННЫЙ СОБЕСЕДНИК

Когда в семье Опаркиных родилась дочь, имя ей нашли не в святцах, а в «Евгении Онегине». Вместе с именем родители подарили девочке любовь к книгам, к искусству и русскую натуру – сильную, яркую, добрую – точно как у любимой пушкинской героини. Но даже в самых смелых своих фантазиях простые служащие с Рыбинской ГЭС тогда и предположить не могли, что их малышке, которая едва ли не с рождения забиралась на табурет со словами: «А теперь выступает Таня», предстоит пройти трудный и счастливый актерский путь и стать народной артисткой России. Нынешний Татьянин день – первый, который актриса театра имени Волкова Татьяна Борисовна Иванова отметит в этом высшем актерском признании – народная.

– Татьяна Борисовна, вы почти 40 лет служите в первом русском театре, ярославские зрители вас знают и любят, помнят очень разных ваших героинь – страдающих и величественных, нагловатых и распутных, веселых и чудаковатых. Но сегодня хочется поговорить не о них, а о Татьяне Ивановой без грима и вне сцены. И начнем с детства. Что из той поры вам вспоминается чаще всего, можно ли тогда было почувствовать – куда позовет судьба?

– Вспоминаются только фрагменты. Раннее детство прошло на Волге, в поселке Волжском у Рыбинской ГЭС. Мама и папа были очень красивой парой, общительные, веселые, оба хорошо пели. Мы жили небогато. Помню коммунальную квартиру, общие праздники, на которых много пели. На них выступала с табуретки, как все дети того времени. Вряд ли можно считать это какой-то предопределенностью. А сцену впервые увидела в клубе – мама пела в самодеятельном хоре поселка. Я всегда сидела на репетициях в первом ряду и очень гордилась ею. А когда сама поступала в театральное училище, она мне сказала: «Когда-то и я хотела стать актрисой, но не получилось. Может, у тебя получится». Возможно, тайные мамины мечты и были тем самым знаком судьбы.

– Когда в вашей жизни возник Ярославль?

– В шесть лет я очень тяжело заболела, меня привезли в Ярославль. Восемь месяцев я пролежала в больнице имени 8 Марта. Выписывая меня, врачи сказали маме: «Ваша девочка родилась под счастливой звездой». Наверное, тогда они были правы. Я всю жизнь ощущаю свет и помощь этой моей счастливой звезды. Первый класс я закончила в Рыбинске, а во второй пошла уже в школу № 70 Ярославля. Здесь жили бабушка и дедушка по папиной линии. Они приехали из Москвы, и дед был первым директором моторного завода. Вот с ними мы и стали жить.

– Чем запомнилось отрочество?

– Семья у нас была хорошая, крепкая. Все работали, и какого-то особенного внимания нам с братом Евгением не уделялось. Все правильные заповеди усваивались в повседневной жизни от родителей. Отец был с нами даже суров: с детства учил думать о близких людях, делиться последним куском. За вранье мог и отлупить. В принципе, я – дитя улицы. Во дворе всегда была заводилой, во что мы только не играли! У окна вечно кричали: «Танька-аа, выходи-и-и!». Я не могу сказать, что очень любила школу. Тяжело давались точные науки, и я ужасно комплексовала по этому поводу. Русский и литературу любила, и меня учителя выделяли, вызывали читать по ролям – у меня это хорошо получалось. Мама очень гордилась моим эмоциональным чтением, как-то даже соседки собрались, чтобы послушали в моем исполнении «На смерть поэта». Соседки слезы вытирали: «Как Танечка выразительно читает!»

– А что вас в то время интересовало, чем нравилось заниматься?

– Мне всегда хотелось быть в гуще событий. Как теперь говорят, я любила тусоваться. Ездил в пионерские лагеря, посещала самые разные кружки во Дворце пионеров: балльных танцев, массовиков-затейников, довольно серьезно занималась легкой атлетикой. Постоянно участвовала в каких-то соревнованиях. Думаю, что у спорта и театра есть точки соприкосновения – это умение себя собрать, организовать, показать. Спорт я люблю и сейчас, он помогает поддерживать и физическую, и эмоциональную форму.

– Как правило, те, кто связывает свою жизнь со сценой, хорошо помнят свой первый выход в театр. Вы помните свою первую встречу с Волковским театром?

– Мои первые впечатления от театра трудно передать – столько было эмоций. Я пришла к маме, которая работала в администрации театра Волкова, и случайно попала на репетицию. Сцена полыхала красным шелком, знаменами. Кругом яркий свет, музыка, движение – это было так захватывающе, так отличалось от обыденности. От такой торжественности и красоты я даже растерялась, не спросила, что это было. Думаю: готовились к какой-то «красной» дате календаря. Вот тогда в душе впервые что-то шевельнулось.

– Когда пришло время выбирать профессию, в актрисы сразу решили пойти?

– После 8-го класса надо было определиться, пошла на прослушивание в театр. Заяв-

лено, я быстро со своей активностью попала в передовики. Родители были довольны: жить стало полегче материально да и перспективы открывались неплохие. Как-то в числе передовиков меня пригласили на телевидение, и я сказала: «Считаю свою профессию проходным этапом, я обязательно буду актрисой». И вскоре подала заявление в те-

Фирс был уникален и как личность, и как режиссер, и как педагог.

– А что еще вы вкладываете в понятие «актерская удача»?

– Удача – это когда соединяются хорошая пьеса, хороший режиссер, хорошие партнеры. Можно всю жизнь прожить и с этим не встретиться. Удача не может сопутствовать

Фото Сергея Метелицы.

атральное, дома ничего не сказала. Пришла на первый тур. Прошла сразу – набрали курс Фирс Ефимович Шишигин и Лидия Яковлевна Макарова. Мама, конечно, узнала, что я сдаю экзамены, но родители не стали меня ломать. Наверное, потому что сами любили пение и театр.

– Насколько сложной вам показалась учеба?

– Самым трудным был первый год. Помню, работала над этюдом «Цветы». Молча двига-

всегда. Это та жар – птица, которую в жизни удается ухватить считанные разы.

– Какие воспоминания остались у вас от своего театрального дебюта?

– Студенткой третьего курса я дебютировала в «Сказках старого Арбата», сыграла Виктошу. В памяти остались только впечатления от прекрасных партнеров: Сергея Дмитриевича Ромоданова, Николая Васильевича Кузьмина, Юрия Александровича Караева.

Фото из личного архива Т. Б. Ивановой.

ления не подавала, просто пришла, чтобы послушали. Виктор Александрович Лавыдов сказал мне: «Танечка, тебе еще 14 лет, надо повзрослеть, а потом, если захочешь, придешь к нам». А осенью я подавала заявление в торговую-кулинарное училище на продавца промышленных товаров. Ходила учиться в вечернюю школу – тогда это было вполне серьезно. Закончила учебу, стала продавцом в универсаме. И ко-

лись, что-то изображали, кто как мог. Фирс Ефимович хлопнул в ладоши – все застыли. И в полной тишине я сказала: «Кап, кап, кап». Фирс спрашивает: «Кто сказал?». Я испугалась – сейчас выгонят, ведь этюды были без слов. Призналась. «Почему ты так сказала?». «А мой цветок заплакал». Он помолчал и произнес: «Будешь актрисой». Я помню все, что он мне говорил, с самого первого дня ученичества.

– В чем выражалась мощь учителя?

– Достаточно того, что он был рядом. Фирс видел во мне русскую бытовую героиню. Да и я сама никогда Джульетту играть не мечтала. От своих психо-физических данных никуда не денешься. Ну, нет у меня внутри голубой героини. Как-то Фирс Ефимович застал меня в буфет. «Читала «Солдатскую вдову?» «Читала». «Ну и что думаешь?» «Хо-

рошая пьеса, женские характеры интересные». «Кого бы ты хотела сыграть?» «Марийку». «Дура, какая ты Марийка! Ты Клавка». До сих пор моя Клавка со мной. И еще – Фирс приучил оправдывать любую свою героиню, быть адвокатом своей роли. Не осуждать, а понять – почему она такая.

– Кроме русских героинь у вас были и другие – роковые женщины, страстные, темпераментные. Это тоже обусловлено вашими психо-физическими данными?

– Никаких страстей роковых в моей жизни не было. Зритель часто думает, что актриса похожа на своих героинь. Но в моем случае это не так. В жизни я однолюб.

– А вы сами какие свои роли считаете удачными?

– Есть две роли – полное слияние со мной. Это миссис Уайр в «Старом квартале» в постановке Владимира Воронцова. Еще очень люблю свою Медею. В ней соединилось все: любовь, обман, счастье материнства, предательство, месть. Нужно было время, чтобы подготовиться к каждому спектаклю. За полчаса Иванова Медей не станет. И после спектакля тяжело отходила – дома лежала сутки без сил.

– Какие женские характеры вы особенно любите играть?

– Люблю играть героинь с чудинкой, с сумасшедшинкой. Не написано в пьесе – буду фантазировать сама. И сейчас остается одиозной моя Анна Андреевна из «Ревизора» в постановке Владимира Георгиевича Боголепова. С удовольствием вспоминаю фонтанирующую, энергичную маму в «Новом Пигмалионе». Когда выпадает играть классику – наслаждаюсь. Шекспир, Островский, Толстой, Горький. Люблю свою Гурмыжскую, Чебоксарову, Матрону, Манефу. Но обогащает каждая роль, не только любимая.

– Что для вас интереснее всего в творческом процессе?

– Творческий процесс – это как любовь между мужчиной и женщиной – встреча с режиссером, знакомство, влюбленность, общность интересов – и рождение роли. Каждый раз, когда получаю новую роль, во мне начинается брожение – даже температура поднимается, ночи не сплю. Что-то не нравится, не идет – мучение. Получается – счастье. Вынашивание роли, репетиционный процесс – самое интересное. Жаль, что сейчас из театра уходит тщательная разработка роли. Ведь это и есть суть нашей профессии.

– Актёру за свою творческую жизнь столько героев приходится пропускать через душу! И только они сами знают, насколько это тяжелый процесс. К сожалению, это единственный путь к успеху. Но путь опасный. Как не пропустить, не потерять себя, сохранить душу – у вас есть свой рецепт?

– Нужен надежный тыл и понимание близких. Мне очень повезло – мы в семье живем на одной волне. Дома понимают: когда я озабочена ролью, могу стать чужой, молчать. Например, работа над любимой Медей была настоящим месяцем безумия. Тогда особенно раздражал быт – я ничего не могла делать по дому. Это понимают и терпят. С каждой новой ролью, будто в тебя вирус входит, начинает бродить, тебя изменять. И чтобы в этих актерских «болезнях» устоять, надо иметь надежный тыл. А душу восстанавливают семейные заботы и радости, природа, книги, домашние животные.

– От театральной жизни душа никогда не просилась отдохнуть?

– Никогда. Моя душа полностью принадлежит театру. Никакой другой жизни я для себя не представляю.

Марина ШИМАНСКАЯ.